

Минимизация рисков при работе «по правилам». Поведение исследователя в опасной среде

Статья посвящена изложению взглядов автора относительно этических и профессиональных требований, предъявляемых к работе исследователя при организации, проведении и распространении результатов опросов общественного мнения. Отмечается необходимость непредубежденного диалога с общественностью при оценке результатов исследования и методов их достижения. Обращается внимание на необходимость исключить чрезмерную аффилированность исследователя с заказчиками работ и иными стейкхолдерами, не допускать манипулирования инструментами опроса для получения того или иного результата, а в некоторых случаях отказаться от работы

с той или иной тематикой, если это может способствовать агрессивным противостояниям и конфликтам в обществе, политическим манипуляциям.

Ключевые слова: опрос общественного мнения, профессиональные и этические стандарты, надежность, достоверность, обоснованность опроса.

Роман Могилевский

кандидат философских наук

научный руководитель компании «АСИ Санкт-Петербург»

Работа социолога над исследовательским проектом, посвященным опросу общественного мнения, в условиях, когда ему оппонировать не только коллеги «по цеху», но и любые субъекты, которым не безразличны результаты опроса, осуществляется в «опасной» среде. Как правило, сразу после опубликования результатов возникают острые дискуссии, особенно если речь идет об изучении общественно значимых актуальных проблем, репрезентацию которых осуществляют различные группы интересов, и, в первую очередь, об электоральных, политических и иных общественно значимых проблемах. Среди заинтересованных участников дискуссий — профессионалы, специалисты смежных областей науки и прикладного знания, журналисты, блогеры, политические и гражданские активисты, предприниматели и многие другие. Критической оценке подвергаются, подчас, не только основные выводы, но и способы их «производства», условия работы, инструменты изучения, методология, надежность измерений, если речь идет о так называемых количественных исследованиях. В этом нет ничего удивительного. Исследования, и в первую очередь опросы мнений, едва ли не единственный инструмент «человеческого измерения» качества внутренней и внешней политики государства, успешности экономического развития, роли и места гражданских институтов в принятии общезначимых решений, в оценке условий и качества жизни людей. Отсюда понятен непрекращающийся интерес общественности к обоснованности, достоверности и надежности результатов, к качеству инструментов, используемых для получения надежного и релевантного результата. Для того чтобы этот диалог был продуктивным, приводил к полезным результатам следует договориться о принципах, правилах и требованиях, которые должны следовать социологам при проведении своей «работы» и их оппоненты при её оценке. Надо заметить, что действующие в РФ профессиональные кодексы, регулирующие деятельность всех лиц, вовлеченных в процесс «производства» социологического знания, устарели, а система профессиональных стандартов в отношении ключевых требований к процедуре по большей части не разработана. Отсюда сложности идентификации результатов работы как надежных, достоверных и обоснованных или ненадежных, недостоверных и необоснованных, а также «опасных» или безопасных.

В фокусе особого внимания общественности находятся вопросы правил и требований к лицам, организующим опросы мнений, нормам, регулирующим их коммуникации с лицами, вовлеченными в опрос, к поведению лиц, комментирующих *ex officio* полученные результаты, вообще к оправданности и

обоснованности публикации тех или иных данных. Мне не кажется правильным отвечать на вопросы и комментарии «непрофессиональных» участников дискуссии, руководствуясь принципом «сам ты дурак», или, упрекая их в незнании основ ремесла, чем подчас грешат «профи». Во-первых, это мешает адекватно оценить аргументы оппонентов и извлечь пользу из возможного обогащения смыслов осуществляемой полстерами работы или исключить ошибки, а во — вторых, это мешает убедить оппонента в собственной правоте. Надо напомнить, что опросы мнений имеют двоякую природу: коммуникативную и когнитивную. У специалистов, чаще всего, обсуждению подвергается когнитивная сторона дела: для оценки качества опроса используется различные «аппараты» или подходы к анализу. В меньшей степени критике подвергаются этические стандарты, правила и ограничения, регулирующие процедуру проведения опросов, коммуникации участников. Мои оценки качества опросов и надежности аргументов оппонентов строятся на признании важной роли, которая принадлежит широкой общественности, особенно когда речь идет о тестировании важных политических и экономических событий, о выборах или иных акциях, сопровождаемых массовыми анкетными опросами. Представители «непрофессиональной среды» часто упрекают полстеров в плохих результатах измерений, основываясь на предположении ангажированности или иных «моральных» дефектах его работы.

Соглашаясь во многих случаях с оценкой общественностью работы «профи», я предположил существование ряда возможных причин, обуславливающих намеренные искажения или ошибки измерения, или неточные прогнозы. Я бы обратил внимание, в частности, на следующее.

Первая группа — наиболее очевидная — состоит в констатации влияния чрезмерной аффилированности полстеров с заказчиками работ, их интересами и намерениями. Прежде всего, речь идет о представителях власти, лицах, работающих в избирательных штабах, предпринимателях и иных стейкхолдерах. Это, явно или не явно, может негативно сказываться на процедуре и результатах работы социологов (результатах измерений, дизайне инструмента, опросном контенте, выборе инструментов опроса, манипуляциях с выборкой и др.). Чрезмерная аффилированность исполнителя работ с заказчиками (или иными стейкхолдерами) может порождать соблазн производства «лукавых цифр» (хороший термин, предложенный, кажется, А. Стреляным), позволяющих сторонам извлекать экономические, политические или карьерные выгоды вопреки этическим и профессиональным нормам и запретам.

Вторая — состоит в использовании устарелых или чаще нерелевантных процедур и методов опроса. Так «индустриальный» метод производства рейтингов и прогнозируемых показателей годен для ситуаций с низкой волатильностью. Для сложных или подвижных ситуаций используются другие процедуры. Например, в случаях электоральных опросов прогнозировать исходы на основе разовых расчетов средних показателей популярности кандидатов среди избирателей затруднительно. Делать на их основании выводы о результатах голосования следует с крайней осторожностью. Обычно, точный электоральный прогноз предполагает знание того, какой будет явка избирателей (структура и объем), будут ли использованы в ходе кампании «большие фальсификации», включая возможность сговора «корпоративных поллстеров» или политтехнологов и лиц, администрирующих выборы, каким будет выбор «избирателей последнего дня», практически делающих выбор на участке в момент голосования, каким будет выбор тех, кто намеренно, в силу определенных политических или психологических резонансов давал неискренние ответы на вопросы об электоральных предпочтениях (эффект «Брэдли») и некоторые другие знания. Если исключить возможность «больших фальсификаций», хорошие результаты прогнозирования дали бы рекомендуемые американскими специалистами (см. Б. Хэмилтон и Д. Битти) волновые опросы, осуществляемые на завершающей стадии кампании, ежедневно с сотней или более интервью с обновлением выборки после каждой волны слежения, проводимой, как правило, несколько вечеров подряд. Считается, что, по крайней мере, в отношении электорального выбора «избирателей последнего дня» такие опросы дают хорошие результаты. Эта методология пригодна во всех случаях, когда требуется осуществить прогноз исхода какой-либо кампании или успешно действий какого-либо лица.

Третья группа причин состоит в том, что до сих пор опросные практики не стали настоящим бизнесом, поллстеры действуют как советские заводы, ориентируясь в основном на госбюджет и госзаказ. Отсутствует конкурентная среда, и справедливая (рыночная) оценка качества. Высок уровень монополизма, проявляется абсолютное доминирование небольшого числа компаний. В составе заказчиков доминируют государственные или аффилированные с государством структуры. Согласно законодательству работы (включая исследования и опросы мнений), финансируемые по госконтрактам из бюджетных источников, осуществляются организациями на условиях конкурса. Выполнение работ государственный заказчик передает организации, предложившей лучшие по сравнению с другими участниками условия выполнения работ. Ничто не является основанием для выполнения работ конкретной организацией кроме победы в конкурсе. Само собой разумеется, не может являться таким основанием мнение или желание того или иного государственного деятеля, как бы высоко он не стоял в иерархии государственных лиц. Между тем, подчас это требование игнорируется. Впрочем, можно предположить, что имеются какие-то подзаконные акты, определяющие возможность привлечения исполнителя работ вне конкурсной процедуры. В этом случае организаторы конкурса должны оповестить общественность и профессиональные круги о существовании, содержании и способах принятия (легитимности) подобных актов, а также — на основании чего была использована исключительная, а не общая юрисдикция. Также обращает на себя внимание, что действующая процедура проведения работ по госзаказу, откуда поллстеры черпают основную часть финансовых ресурсов, не стимулирует высокого качества исследований. Законодатель при выборе исполнителей руководствуется, прежде всего, критерием цены, практически закрывая глаза на требования должного качества. Основным критерий получения исполнителем работы — цена, а отнюдь не качество.

Четвертая группа причин состоит в неточном (сознательном или случайном) определении объекта опроса,

когда при данном выборе круга опрашиваемых лиц заказчик не получает необходимый ему ответ или получает «нужный» ответ или получаемый ответ не позволяет выбрать правильное решение или ответить на важный вопрос. Так, предпринятая ВЦИОМ по заказу властей попытка определить, есть ли необходимость включать в контракт о поставке газа в Крым указание на принадлежность территории поставки тому или иному государству, с нашей точки зрения была ошибочной. Дискуссионным являлся выбор предмета опроса: одно государство (Украина) полагало, что энергоносители будут поставляться в пределах своей территории и требовало отразить это в контракте, а другое (Россия) — противилось этому, полагая, что поставки осуществляются на принадлежащую ей территорию. Если цель опроса состояла в выяснении мнения граждан о возможности указания в контракте на статус территории поставки, то следовало бы провести выборочный опрос всех граждан, чьи экономические и политические интересы, а также параметры качества жизни существенно затрагиваются поставками электроэнергии, включая граждан Украины, России и отдельных регионов этих стран, а не только проживающих на территории Крыма.

Пятая группа — предполагает оценку возможности проведения опроса в условиях действующего политического режима и актуальных обстоятельств общественной жизни, которые могут позволять или не позволять социологам, использовать массовые анкетные опросы, и при этом получать надежные и достоверные выводы. Лояльный к работе поллстера режим можно было бы назвать — «режимом тишины». По мнению российских и международных специалистов (в России это обстоятельство обосновывал один из «отцов — основоположников» опросной методологии — В. А. Ядов), профессиональные стандарты запрещают проведение опросов под административным давлением, в условиях, как сейчас бы сказали, «негативно обогащаемого общественного мнения», пропагандистских и иных целенаправленных информационных и организационных кампаний, а также в зонах разного рода актуальных военных конфликтов, социальных, природных и техногенных катаклизмов, способных создавать сильные, но не устойчивые настроения и мнения *ad hoc*, с которыми респонденты перестают считаться, сразу, как только прекращается опрос. Впрочем, эти утверждения могут по-разному проявлять себя применительно к изучаемой предметной области. Например, имеется достаточно доказательств связи уровня политического доверия респондентов с достоверностью вопроса — ответной информации и точностью прогнозов в случаях проведения политических или электоральных опросов общественного мнения. Низкий уровень политического доверия генерирует страхи, фобии и конформизм у респондентов, которые из — за этого могут скрывать подлинные предпочтения или заявлять о ложных, вынуждая исследователей заниматься поисками адекватных инструментов и способов, минимизирующих негативное воздействие условий, методов и способов проведения опросных коммуникаций (например, увеличивая их анонимность или требуя получения согласия респондентов на использование тех или иных технологий исследования и др.) на достигаемый уровень надежности и достоверности электоральных или политических прогнозов. На последнее, справедливо, обращает внимание В. Сократилин¹ в статье, опубликованной в 3 номере журнала «Телескоп» за 2016 год. Между тем, при изучении иных предметных областей: потребительских рынков, медиа или интернет — аудиторий и многих других, когда обстоятельства, проявляющие себя при политических или электоральных опросах могут оказаться менее существенными (или вообще не существенными), а выбор «технологий» работы может допускать «мягкие» подходы, с иными требованиями к качеству данных (например, применении интерактивной техники или использование он — лайн опросов или планшетов для сбора информации или так называемых «непредставительных выборов» и т.п. и

т.д.) ситуация может потребовать иных подходов, иной оценки степени и характера рисков.

Наконец, шестая группа указывает на недопустимость игнорирования профессиональных и этических норм, содержащихся в Профессиональных кодексах социологов или выработанных деловой практикой. Кроме известных этических нарушений, мы бы обратили внимание на новые. Так, формулировка второго вопроса из известного опросника ВЦИОМ, посвященного поставке энергоносителей в Крым, содержит запрещенную диспозицию. В диспозиции второго вопроса в целях стимулирования «вопрос — ответной» коммуникации (уровня активности и характера ответов респондента) содержались обещания и намерения предоставить блага, распределение которых не находится в компетенции организатора опроса. Выполнение или невыполнение этих обещаний переносит ответственность с лиц, в действительности производящих или распределяющих блага, на социолога, который вряд ли способен гарантировать выполнение административных или хозяйственных обещаний, но при этом, совершенно необоснованно, принимает на себя ответственность за исправление ситуации с поставкой электроэнергии в определенное время и в определенное место. Это может оказывать значительное влияние на достоверность информации, на уровень доверия респондентов и согласие сотрудничать с лицами, проводящими опрос.

По нашему мнению, профессиональному сообществу стоило бы выработать адекватные рекомендации, минимизирую-

щие возможности использования в исследованиях мнений «запрещенных приемов», снижающих эффективность и качество опроса, обсудить весь спектр проблем и выработать необходимые решения. Вообще мне кажется, что к опросам общественного мнения сейчас следует применять те же нравственные требования, что и к разработке и применению любой другой опасной для людей технологии, например, к некоторым видам исследований в области биологии, биофизики или биохимии. Во многих случаях специалистам следует обсудить, использовать ли опросные технологии в определенных общественных обстоятельствах (или определенным образом), когда есть опасность, что они будут использованы во зло, для целей, далеких от поиска истины и предотвращения социальных катастроф. Следует ли накапливать, анализировать и распространять информацию, полученную в ходе опросов, если последствия этого могут привести к укреплению опасных режимов, к рискованным политическим экспериментам, к агрессивным противостояниям и конфликтам. Речь в таких случаях может идти о достижении согласия специалистов об отказе или исключительно лабораторном изучении (применении) тех или иных опросных технологий и о допустимости распространения информации, основанной на их применении. Кроме того, должен подвергаться практической и методической оценке уровень достижимости валидного результата с точки зрения прямых рисков и затрат. Допускаю, что чрезмерно высокий уровень предполагает отказ от выбранного метода изучения и поиск иных подходов к исследованию.

¹ В.Сократилин.Когда зацветет соломенный рейтинг или по каким причинам не сбудутся прогнозы социологов на выборах осенью 2016 года?/Телескоп/№3(117)/2016, с.22-27.